

ИНОК

Марина Палей

ИНОК

избранные лирические стихотворения
2019

**Asteroid
Publishing**

INOK

Copyright © 2020 by Marina Palei

All rights reserved.

Asteroid Publishing, Inc.

ISBN: 978-0-9682979-1-9

No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means; graphic, electronic, or mechanical, including photocopying, recording, taping, or by any information storage retrieval system, without the written permission of the publisher/author.

Технические редакторы:

Андреас Андерсен, Ирина Сурбер

Дизайн обложки:

Тимофей Сердечный (картина «Мужской портрет»)

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ДОНОР
авторская серия
Марины Палей

Содержание

Введение	1
«когда играешь ты на мандолине...»	3
«раскалённых рубинов горсти...»	4
После концерта	5
Музыка в ладони	6
Бах	7
Атакующий март	8
В саду твоих алмазов	9
«я сказала: ты на флейте не умеешь...»	10
Птица Феникс	11
Кораллы	12
Лиса	13
Леонардо	14
Белый голубь	15
Чёрный топаз	16
Неполная гамма	17
Драконы	18
«кабы знать, что встречу тебя в конце...»	19
Лебеди	20
Дождь и после него	21
Похищение быка	22
Тест	23
«вот белый голубь взлетел...»	25
Паганини	26
Франческа	27
«он влетел, перебив последовательно...»	29
«о Давид, ты столь мощно играешь на лютне...»	30
Сердце	31
Художник и модель	32

Пред тобой	33
«смерть меняет свои обличья...»	34
Новый Лаокоон	34
Орфей	35
Черёмуха (тетраптих)	37
Борей	40
«уже на границе миров...»	41
Лиса и виноград	42
Пенелопа о состязании женихов	43
Одиссей и сирены	44
Флейтист	45
Гефест, бог огня	46
Боярышник	48
Пустынник	49
Феб	50
Подорожник	51
Карильон	52
Знахарь	53
«проснёшься ты от топота подков...»	54
Старец	55
Что она делает (диптих)	56
«в меня, забритуую на вечную войну...»	58
Поппея – Нерону	59
«ты зачем зарубил весну...»	60
Цветение	61
В госпиталях	62
«ни умом, ни трудом, ни алым цветком...»	63
Музыка и белизна	64
Хрусталь	65
Чёрные крылья	66
Триколор	67

«оттого, что я не люблю триумфаторов...»	68
Этот сон о любви	69
«туман, сварганенный наскоро...»	70
Марина Мнишек – Лжедмитрию	71
Мольберт	72
«пока мы в вагоне...»	73
В миг до взрыва	74
Голландский жасмин	75
Пьеро	76
«клен гнётся под ветром...»	77
Гадание на потрохах курицы	78
Ночной жасмин	80
Ночной сад	81
«на той глубине...»	82
Мечтанье	83
«ты боишься тьмы...»	84
Описание цифрового фото, которое исчезло из-за глюков ФБ	85
Эльф и цветок	86
Эльфы	87
Вулкан и море	88
Отшельник	89
Гном	90
Птица Сирин	91
Сосуд	92
«когда живешь потаённо...»	93
«Пенелопа вязала...»	94
Виолончель	95
Голоса	96
Цыганка	97
Сон про нечетную сторону Литейного	98

«защити меня — мной...»	99
Галеон	100
«в бездонной ночи...»	101
Я иду за тобой	102
Серебро	103
Муж мой, клён	104
Цели небесные	105
Статуя	106
Вода и воздух	107
«это нормально, что только – спина...»	108
«струна есть источник разящего сердце звука...»	109
Чернец	110
Скрипка	111
Гитара	112
«глаза твои жёсткие...»	113
«если бегло взглянуть с дельтаплана...»	114
Флейта	115
Пастораль	116
Кентавр	117
Мое школьное сочинение на тему о далёком друге	118
«ни кайлом, ни кандалами...»	119
Метель. Петербург	120
Крысолов	121
«как дед, что тягается с репой...»	122
«даже Просперо-оружейник попался в плен...»	123
Кувшин	124
Сатир и нимфа	125
Верблюды, мой брат	126
«пока письмо моё летит...»	127
«потому я молчу и молчу...»	128

Юродивый	129
Джинн	130
«когда моя ночь доползла до предела...»	131
«для торжества белизны...»	132
Сирень в снегах	133
Любовь во время чумы	134

Введение

Книга Марины Палей «ИНОК» является четвёртой в её авторской серии «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ДОНОР». Дерзкое, исключительно самобытное повествование этой книги можно было бы обозначить формулой: любовь, страсть и творчество — триединая Божественная основа жизни.

Следующими книгами Марины Палей в её серии «Универсальный донор» будут:

«БЛАГОДАРЕНИЕ».

Сборник лирических посвящений художникам, музыкантам, поэтам, актёрам — всем тем, кто оказал существенное влияние на художественный мир автора.

«ШЛЮЗ». Это название содержит много смыслов. Из них географический — является намёком на имя маленького нидерландского города: Maassluis. В переводе на русский это означает Маасский Шлюз (Шлюз на реке Маас, притоке Рейна) — именно там и живёт Марина Палей. Данный сборник философской лирики весьма разнообразен по темам (судьба, одиночество, творчество, бунт, ностальгия, свобода) и с благодарностью посвящён автором этому месту своего плодотворного обитания.

Выход обеих книг предполагается в 2020 — 2021 годах. Всего в серии «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ДОНОР» запланировано около десяти книг.

Название серии «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ДОНОР» отражает, может быть, главное, в поэзии Марины Палей, а именно: огромное разнообразие тематик, направлений, жанров и стилей. Этот художественный мир обладает множеством измерений, но при этом он абсолютно целостен. Автор уверен, что в этом щедром арсенале

лирических высказываний любой читатель обязательно встретит созвучные ему мысли и чувства.

В серии уже вышли три книги:
«Контрольный поцелуй в голову» (2017),
«Ингерманландия» (2017)
«Тюремный перестук» (2019).

Серия «УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ДОНОР» представляет собой раритетное издание.

Сведения об Авторе, который является также известным прозаиком, переводчиком и сценаристом, можно почерпнуть на таких порталах, как Facebook, Peritim Media, SoundCloud, WordPress, Youtube, Википедия, Журнальный Зал и др.

когда играешь ты на мандолине,
то кажется, что море подождёшь
и внятн глас Небес рабе Марине:
«ты подождёшь, сердечко, подождёшь»

но сколько — ждать? у матери в утробе,
в труде, во праздности, в пустыне, во снегах,
под радуги венцом, во тьме, во гробе —
хочу быть музыкой в твоих руках

раскалённых рубинов горсти
а в ответ — ни лопаты снега
старый дождь забивает гвозди
от небесного имярека

на ладонях моих — стигматы,
оттого что живые уголья
выгребала из сердца богато,
захлебнувшись любовью и болью

а в ответ — ни лопаты снега
плесневеет гробница паучья
но закончился дождь... сходит с неба
белизны тайный символ — беззвучье

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

...и каждый из этих букетов был тяжёк, велик
и каждый — вульгарен, нелеп, неуместен и жалок
а я всё ждала, возвращая в гримёрке парик,
знак тайной улыбки — твой влажный букетик фиалок

оружие жирные розы — зачем мне они!
какая обуза, однако, и мерзость престижа!
к чертям — и пиар, и аншлаг, и успешные дни,
коль нежных фиалок твоих я уже не увижу

букетик фиалок, лесной поцелуй, эмбрион
(весь мокрый, чуть розовый) детского зыбкого
чувства...

швыряет меня с потрохами полночный вагон,
а я к животу прижимаю издержки искусства

цветы от чужих — бутафория, фейк, реквизит
о жирные розы, вы — апофеоз макияжа
как холодно в мире и как бесприютность сквозит,
и тьма из тоннеля мне слёзы марает, как сажа

какая досада, какая обида и грусть
я в урну швырну их — вот место вам, пошлые лица!
но вижу — тебя... исчезает незрячести груз
ты ждёшь на платформе: лесные фиалки в петлице

МУЗЫКА В ЛАДОНИ

остановка автобуса, дождь, островок
а вокруг — непрерывный металлопоток
на ветру, на юру, на глухом островке,
как всегда, я одна, с телефоном в руке

телефон, железяка, такой же металл,
как и тот, что рождает бессмысленный шквал —
этот шум, этот лязг, электронный бедлам,
где хайтек торжествует с деньгой пополам

но Пегас пьёт вино из ладони моей —
это музыка, что всех созвездий древней
это музыка, что, и вовеки, и днесь,
побеждает дождя нижнерейнского взвесь

ты живёшь в изумлённой ладони моей
вижу птиц я, и лютню, и кроны ветвей
слышу музыку, что побеждает металл, —
в преисподней Орфей ею смерть побеждал

праздно машет рукой иноземный шофёр
но напрасно он встал, заглушив свой мотор
сердце, лютня, любовь — триедины во мне
под дождём ледяным я сгораю в огне

БАХ

в слуховой изумрудный канал,
в лабиринт звуковой лемнискаты
льётся Баха хрустальный хорал,
словно гулкой Вселенной раскаты

ах, улитка устала блуждать
в темноте полукружных каналов
можно ль выход земной отыскать
среди межзвёздных жемчужных развалов?

жемчуг — ал, тицианов, багров
вложен меч в раскалённые ножны
и рифмуется чёрная кровь
со словцом, что сказать невозможно

наковальня вбирает в себя
размягчённых металлов науку
тяжкий молот свой жадно любя,
отдаётся всевластному звуку

в этой кузнице звук — добела
но... есть стремечко, есть и уздечка
это музыка просто была —
просто музыка! — стихни, сердечко

АТАКУЮЩИЙ МАРТ

витает в воздухе Орфей иль Амадей,
когда из тонких и шершавых линий
слагается лицо в прогале меж ветвей,
где снег уже тяжёлый, мокрый, синий

почти незримое, но явное лицо
щекочет воздух флейтовым дыханьем...
взрывается Кощеево яйцо
акупунктурным звука прикасаньем!

и ледяная скорлупа — мертва,
а флейта атакует — в губы, в губы
и на дыбы, рывком, встаёт трава,
и закипают под землёю руды

и набухают почки на ветвях,
прожорливые боги-эмбрионы...
и тонут в бурных флейтовых ручьях
владения февральской Персефоны

фарфор февральский! ты разбит во прах!
в пурпурной тоге, юный император,
с венком зелёных веток в волосах,
шагает Март, наглейший триумфатор!

В САДУ ТВОИХ АЛМАЗОВ

босиком, по россыпям алмазов,
прохожу я с костоломным хрустом,
свежей кровью крася их в рубины

знать такой мне путь земной указан —
ни песцов, ни плат шелковых — пусто
на плечах боярыни Марины

вопрошаю я своё же ухо:
кем была распахнута калитка?
где вздыхает ангел многоглазый?
но — лишь эхо в лабиринтах слуха...

выпала в конце мне сладость-пытка —
босиком, в саду твоих алмазов

я сказала: ты на флейте
не умеешь, не играешь
как же смеешь ты — на мне?

он захохотал: на флейте
я как раз вполне играю
отчего ж — не на тебе?

на гитаре, на рояле,
на цимбалах, клавесине,
на кларнете, на трубе,
на смычковых и на струнных,
и на лунных, и на звёздных,
и на солнечных играю...
отчего ж — не на тебе?

ПТИЦА ФЕНИКС

«птица-Феникс, чудо-птица,
тяжела ль тебе корзинка?
в ней алмазов-хризопразов,
в ней сапфиров-хризолитов,
в ней рубинов, в ней смарагдов,
злата-серебра не счесть?»

отвечает птица Феникс:
«всё, что видишь ты очами,
то реестр камуфляжа
все сапфиры-хризолиты,
вся мирская хренотень

ты не видишь, ты не знаешь,
как на лютне я играю,
то есть тихо умираю,
как сгораю я от боли,
как я корчусь ночь и день

думаешь, очкастый мальчик,
вызубрил ты без сомненья,
что, сгорев до горстки праха,
воскресаю я опять?
нет, я только умираю,
умираю, умираю,
без надежды воскресенья
я всего лишь умираю,
чтобы снова умирать»

КОРАЛЛЫ

кораллы пылают — люта их природа
кораллы, без доступа кислорода,
пылают, хоть пламя и держат в узде
пылают в воде

кораллы пылают — жарки их межножья
кублищем багровым на жертвенном ложе
набухли их вены на рифах везде
в любовном труде

кораллы пылают, а волны, а волны,
гудя, словно пчёлы, баюкают чёлны
туда и сюда, туда и сюда,
бесстрастно, всегда

ЛИСА

её долго везут куда-то
белым саваном первопутка
и в глаза, молодые солдаты,
ей плюют и орут: проститутка!

её долго везут по снегу
на зверскую казнь, наверно
и скрипит равномерно телега,
равномерно

прижигают ей кожу окурком,
на челе её ставят метки
примерзает поблекшая шкурка
к прутьям клетки

что ж, раздета, до сердца раздета
проклята талисманом древним
как Мария-Антуанетта,
машет вдаль уходящим деревья

шкурка рвана, мокра от крови
слёзы лисьи беззвучны, прозрачны
молча мечется, словно в любви
на ложе на брачном

Бог молчит... значит, Богу так нужно
сжав клычки свои, терпит лисица
клетка — ржава, дорога — жемчужна
казнь отрадна, блаженство — молиться

ЛЕОНАРДО

сколь мощны эти крылья создателя их, Леонардо —
чуть скрипит и кренится летательный аппарат...
эти жилы, артерии, вены, ценой миллиарда
неземных баснословных усилий — слабее в сто крат,

чем заклятия Бога над хладной лиловой золою —
пробудить в ней Адама — казнить его знаньем опять...
хоть одна из машин Леонардо взошла над землёю?
ну, при жизни да Винчи? остались в бумагах лежать

да, коррозия замысла рушит махины во щепки
но изъян чертежей — лишь наркотик для учеников
и усилия гения, даже на схемах, не тщетны
улыбается мне Леонардо из тьмы облаков

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

белый голубь, тебе насыпаю жемчуг
в своём упорстве слепом, позорном
на жемчуг ты косишься, недоверчив —
к ржаным ты склоняешься зёрнам

не клюёшь белый жемчуг — и правильно, голубь,
по сути своей, для желудка, он чёрен
а я с облегченьем нырну в мою прорубь,
где нет ни желудков, ни зёрен

ухожу я под лёд, прощевай, белый голубь
прорубь добрая — там ни покрышки, ни дна
я черна, но зато милосердна прорубь
ты бел, но доля твоя темна

ЧЁРНЫЙ ТОПАЗ

черна, тяжела печать на сердце моём,
хотя для безглазых и праздных она не видна
сердце моё прозрачно, глубок его кровоем...
придонный цветок придавила глухая вина...

но сердце моё черно: это чёрный топаз
мой камень сливается с бездною всякий раз

топаз мой сердечный, сверкаешь ты чёрной звездой
ты честен, как честным бывает немое кино
знаю: мой чёрный топаз — навсегда со мной
а печать — это мета, ярлык, стигма, клеймо

но что значит чёрная эта на сердце печать?
знак избранных, может? — позволю себе не знать

НЕПОЛНАЯ ГАММА

боль монотонна... заело на ноте «до»
боль монотонна, хотя сочится порез
вообще-то хлещет всюду что-то цвета бордо...
но боль монотонна... это лишь «до-диез»

боль монотонна... хотя прорывается «ре»
так и должно быть, наверное... ночь бездонна
которое нынче тысячелетие на дворе? —
всё то же? или иное? боль монотонна

хочешь ты жизни? — так на же её, возьми!
вспыхнули головешки в глубинах лона...
долби, долби, долби — и поучишь «ми»
между людьми так бывает... боль монотонна

уже оставляют силы... уже не дойти до «си»
тонешь беззвучно в иле глухого затона
икона тоже беззвучна — проси её, не проси
для стога достаточно ноты, боль монотонна

ДРАКОНЫ

пестры твои лики, многоголовый муж
мне не запомнить их кличек — ты есть, какой есть
но, коль уж назвался драконом, берись за гуж,
дыши лишь огнём, на рожон на солнечный лезь

мне голов земноводных не выпасать, не считать,
не целовать крупночешуйчатых сих зверей
отступает с позором моя потешная рать
под натиском огня из дьявольских жерл-ноздрей

если много голов — значит, много воли, ума
значит много, к тому же, — очей, голосов, имён
чем достославен змей? — небесные терема
свободны от быта семейных осёдлых племён

он летит над землёю — многоочитый маг,
изрыгая пламень размером с гору Эльбрус...
и нисходит ко мне иероглиф, сакральный знак:
я ведь тоже дракон, если пламени не боюсь

кабы знать, что встречу тебя в конце,
я просила бы Бога ускорить конец —
забыть бы все зимы с лыжами на крыльце,
а вёсны сбить в кучу, словно отару овец,
июни, июли и августы сократить,
запихнуть куда-нибудь в осени — ну а те,
с камнем на каждой ветке, в реке утопить —
и забыть, как не было, всё забыть...
и, память мою до белизны истребя,
оставить мне только тот день, в его чистоте,
оставить единственный день, в его нагоде,
когда, подойдя к своей последней черте,
я увижу тебя

ЛЕБЕДИ

«где взмахнёшь ты крылом — там блестит водоём
где перо обронишь — глядь, встал лес строевой
отчего же, мой муж, ты так странно молчишь,
если мы у ручья засыпаем вдвоём?
иль за тишь отвечаешь своей головой?
или слушаешь, не встрепенётся ль камыш?»

«не кудесник я, коли уж правду сказать,
просто есть между мной и тобою беда
просто ты не умеешь иначе смотреть
на природу — она для тебя лишь руда —
выплавляешь богов, но плывёшь без следа
и торопишь смерть»

ДОЖДЬ И ПОСЛЕ НЕГО

старые магнитофона бобины...
кто-то поёт... кажется, Галич...
гибнут рубиновые георгины
ливень валится навзничь

я не впущу тебя в дом — мне дороже
фигура в потоках, в туманном кубе...
колонизатором, дождь белокожий,
насилует водосточные трубы

я слушаю плач, перевозданный мелос...
но дымны на солнце сада руины...
дождь кончился... властный беззвучный голос
заклинает восстать георгины

согнулись раввинами ветхие зданья...
и вот их молитва цветы воскресила
горят георгины... предвечную силу
имеют немые рыданья

ПОХИЩЕНИЕ БЫКА

говорит Европа быку: «Я тебя умыкну,
я, сама, — тебя, одного, из стада
притворяться кроткой не буду — я только могу
делать то, что мне делать велит нутро: так надо

я, не стыдясь богов, схвачу тебя за рога,
навьючу горой на свою на девичью спину
если мне заслоном будут щиты врага,
я любые заслоны сомну, растопчу, отрину

посмотри, как пылает платье, — вот так, вот так,
тем же багровым цветом нутро пылает
я возьму тебя, слышишь бык! — мой победный флаг
платьем моим разодранным воссияет

разгоняйся, давай, не медли, лиловый глаз
вознеси высоко... под тобою темна пучина
ты не уйдёшь от Европы на этот раз!
пропори же насквозь, ибо я — первозданная глина»

ТЕСТ

1

боль вдоль всего тела? — нет, не работает
ибо тела словно бы нет (а боль есть)

пожар сердца? — нет, не работает
пожар есть, но он — как-то сразу везде

потеря головы? — нет, не работает
голова с изумлением наблюдает за происходящим

и она, голова, понимает: вот он, верный критерий:
девственность

2

ты снова, в который уж раз, девственна
тебе 30 лет или тебе 100 лет — ты девственна

и беззвучный голос говорит тому,
кто не слышит тебя — и не должен слышать:

«Ничего не было до тебя. Никого не было до тебя.
Мира не было до тебя. Меня не было до тебя»

и от этих слов, будто от слов заклятья,
слетают в небытие громадные каменные города,
с их небоскрёбами и прочей голографической
мишурой—

как не было их! как приснились в кошмаре!

3

«Ничего не было до тебя. Никого не было до тебя.
Мира не было до тебя. Меня не было до тебя»

и джунгли, которые буйно вмиг разрослись
на месте муравейников, — исчезают тоже
как не было их! как приснились в кошмаре!

4

«Ничего не было до тебя. Никого не было до тебя.
Мира не было до тебя. Меня не было до тебя»

и вот ты видишь голую красную землю
и, на это красной равнине,
голый, но уже немного бородатый,
с любопытством озираясь вокруг,
стоит — в это невозможно поверить —
стоит он,
Адам

5

И ты говоришь:

«Ничего не было до тебя. Никого не было до тебя.
Мира не было до тебя. Меня не было до тебя»

И Адам — вот чудо! — не исчезает.
Он лишь роняет:
«Как странно... А где я был раньше?»

вот белый голубь взлетел, растворился в тумане,
стал каплей тумана, лишь только расправил крылья
видно, прильнул к луне, белоликой маме,
там, где любовь бестелесная светом обильна

в первородное млеко вернулся возлюбленный голубь,
в первозданную глину исторг своё белое семя
там душа моя робкая, очи потупивши долу,
поцелует твою, поборов пространство и время

ПАГАНИНИ

сначала он делал всё по-простому —
охаживал чёрной двухвостной плёткой
затем, отлучив от родни, от дому,
не давал воды, кормил селёдкой

затем подвесил гроздь винограда —
«чем ты, женщина, лучше Тантала?»
лишь только женщина делалась рада —
гроздь исчезала

затем: «я свинец тебе в уши волью —
твой дух заслужил изуверскую пытку...»
затем: «отдыхай... я тебя убью»
взял смычок и скрипку

ФРАНЧЕСКА

отстань от него, Франческа! он древний старик
своих адресаток не помнит — и слава богу...
не потому, что от женских записок отвык,
а потому, что их было бессчётно много

ну, что значит «много»? — подумаешь тоже, — фронт!
ну, фронт иль не фронт, а фантило — в любви и хлебе
хотя не про каждую думал, что чистый брильянт,
но... много их было, много — как звёзд на небе

Франческа, девчонка, ты думаешь, глупая, что
он мало ещё повидал искушенья земного...
на слово поверь мне — выигрывал дам в лото...
«в картишки!» (встревает внезапно сам Казанова)

Франческа кричит: «Ничего я знать не хочу!
не буду чужому я опыту жить в угоду!
ни коновалу меня не свалить, ни врачу!
я море могу подпалить! понимаешь ты? — воду!

моим ярко-красным платьем весь лес подожгу,
чтоб выросли новые травы на этой поляне
а там пусть будет что будет — другу, врагу —
какое им дело до яда змеиного в ране!»

Казанова глаголет: «Коза, ты с ума сошла!
мне кроны деревьев поют последнюю мантру
моя душа почти к небесам отошла,
а ты всё ломаешь мне тут свою Клеопатру!»

Франческа кричит: «Казанова, ты так не уйдёшь!
это будет нечестно, взгляни же на взрывы блеска
в глазах моих; царственен ты, сукин сын, и хорош;
коли в ад, то втроём с любовью, — так хочет
Франческа!»

он влетел, перебив последовательно: стекло,
зеркальце на комод, рюмочку на столе...
«ох, не к добру! — заохала челядь зло, —
ох, не к добру! — да ещё на вечерней заре...»

нанесённых убытков, конечно, не посчитав,
он выпорхнул к облакам в неплотно закрытую дверь...
белый мой голубь... орлиный ты выказал нрав...
ну что? без белого голубя — лучше теперь?

о Давид, ты столь мощно играешь на лютне, на арфе!
царь Саул даже ярость сменил на кротость и милость
как Марию Христос предпочёл домовитой Марфе, —
так тебя — тебя предпочту, что б ни случилось

чудеса ты творишь! в райский сад превращаешь ты будни,
а врагом припасённый булыжник — в сердечную мякоть
лишь играй, я прошу, лишь играй — на арфе, на лютне
впрочем, ты ведь играешь, играешь, так что же мне плакать

СЕРДЦЕ

он послал ей из ярких рубинов сердце
отдала она сердце гонцам назад
сказала: «словно распахнута дверца
в пылающий ад»

он сердце послал из гранул жемчужных,
огромное сердце — размахом в аршин...
сказала: «снежное сердце мне чуждо —
для чего мне холод вершин?»

он сердце послал из камней сапфира —
как бездонное небо, сапфир тот сиял...
сказала: «к такому нужна порфира...
пусть пришлёт мне опал»

он сердце послал из камней опала —
чёрное сердце, как чёрную месть...
«я пошутила, — она сказала, —
такое во мне уже есть»

ХУДОЖНИК И МОДЕЛЬ

она позировала ему одетой, раздетой
она сидела недвижно — часами, часами
но такие, как он, оставляют портреты — с глазами,
словно выжженными сигаретой

она хотела прогулок в берёзовой роще,
чреватого браком романтического знакомства...
она страстно хотела кого потеплее, попроще,
чтоб лелеял-кормил многочисленное потомство

но налетела, сердцем, на живописца
с мелочным нравом, с мечтой нездешней, большою
на полотнах, истерзанные, остались её лица
с выжженной напрочь душою

да он сам, словно ад, горит и дымится —
обласкан богами, оставлен богами...
что — лица? что — женские ему лица?
горит горизонт под его ногами

ПРЕД ТОБОЙ

как пред алмазом затих аметист
как пред травую, навтыяжку, лист
как дикий пастух пред монахом строгим
как Адам застыл перед Богом
так и я пред тобой

как цепенеет река предо льдом
как волк ловит воздух оскаленным ртом
как кровохлещет кинжальная рана
как взрывается красками в мае поляна
так и я пред тобой

как и не было царского трона
наконец-то упала моя корона
в человечесьем скупом воплощении,
в первобытном стою восхищении
пред тобой

смерть меняет свои обличья,
как танцовщица в кабаке
лицо длинноклювое, птичье
красный цветок в руке

смерть меняет свои облачения
варьете, кабаре, балаган
ворованные украшения
в руке — наган

смерть меняет свои звучания
они всё слаще, страшней
аэропорт, гулкий зал ожидания
голос арфы твоей

НОВЫЙ ЛАОКООН

вчера ты повержен — сегодня уже восстал
ты ночью повержен — но утром уже восстал
ты в прах растоптал монотонный занудливый миф,
талант и атлант! и пускай иногда ты Тантал,
но не бездумный Сизиф — будь проклят, Сизиф!

хватаясь за сердце, влетаешь в последний вагон
последнего поезда... мутен и злобен вокзал...
не от себя ты бежишь, задыхаясь, — к себе, к себе! —
«к своей же судьбе», — уточняя, себе сказал

вокзал загорается... огонь догоняет вагон...
несутся эриннии вслед за составом: «убей!..»

но ты — разрываешь змеиные кольца, как Лаокоон

ОРФЕЙ

фракиец, потомок атлантов, ты сам виноват...
жена твоя, дурочка, — разве она виновата?
зачем обернулся ты — в ад, по дороге назад,
на вымоленной чудесами дороге — из ада?

Орфей златострунный, когда золотым лишь руном
все помыслы были твои, как пожаром, объаты,
ты думал о том ли, что даже кифару потом
в созвездие Лебеда тайно вплетут аргонавты?

певец, как Ассизский Франциск, ты распахнут мирам —
тебя понимают и рыбы, и звери, и птицы
но не по зубам ты раззявленным алчущим ртам...
да будь они прокляты, эти и глотки, и лица!

но, музыку вдруг искажая, хмельные менады
— безумные, потной толпой, бассариды —
от страсти тебя разрывают — что тоже награда:
пусть тело вернётся в начало! — к воротам Аида

ЧЕРЁМУХА

1

черёмуху лучше писать на чём-нибудь чёрном — тогда победительная, плотная, клокочущая белизна станет ещё отчётливей, словно на склоне горном белая тучка свила для снегов гнездо; но пацанка-весна ветром сквозным, продувным это гнездо разбросала так и черёмуха: вспыхнула — и взорвалась — и увяла где подвенечное платье? упало-пропало женщина, замужем, словно очнулась от сна

2

черёмухи — ворохом снега — пушистая плоть в четверг взорвалась — даже воздух вокруг изумился молочной зимы свежевсбитый и сочный ломоть весною, по холоду, от облаков отделился

стоит над стволом огромный свадебный торт, округлый и пышный — княжны кринолин на крахмале и, рты распахнув, околдован предместный народ и пьян от надежды на свадебном этом бале

3

как — из чрева земли добывает она белизну? ярко-белое кружево — из беспросветного чрева? ветви шепчут заклатья — заманивают весну... и весна отвечает на зов, боттичеллева дева

и, когда она робко подходит, цветущее древо и дрожит, и желает быстрее венчанье закончить с этим ветром холодным... печальна черёмуха-Ева, и печальны весны сероглазой холодные очи

ветер дальше летит — наступает мужская работа
по разному пыльцы в жадной вотчине осемененья
пробуждаются чешуекрылые... солнца ворота
разверзаются... завязь поёт торжество размноженья

4

кипение хладное млека,
чей жив эталон в облаках...
и Бога, и человека
черёмуха славит в веках

да, мил человек преходящий
победной её белизне,
чарующим снегом звенящей,
камлающей, словно во сне

черёмуха, в небе прорехи
дарует твой сказочный снег
на что бы земные нам вехи,
коль было б оно без прорех?

черёмуха... госпиталь мая...
стерильны в запасе бинты...
густой светотенью играя,
несёшь исцеление ты

моя медсестричка, сестричка,
с тобою я снова жива
ингрийских лесов электричка
мне мамыны дарит слова

белеешь у брёвен сарая...
все пчёлы в тебя влюблены...
мой остров нежданного рая
среди океана войны

БОРЕЙ

в тесноте лазаретной, в пустом пантеоне богов,
в лепрозориях Чили иль в мрачных горах Акатуя,
посреди разметённых мной новорождённых снегов,
я тебя, словно зимнюю розу, найду, поцелую

я — всевластный Борей, на лету я твой плащ распахну,
рассмотрю я прицельно конструкцию тела... детально
приласкаю волос твоих русых мальчишескую седину
как? — скрипично, пронзительно, виолончельно,
вокзально

не уйдёшь от меня, потому что я — ветер ветров,
я настигну тебя посреди даже райских просторов
потому что любовь — это то, что срывает покров,
обнажая — в бесплотной душе — вожделенье и нор

вожделенье души — вот лютейшая пытка богов,
кою не облегчишь простодушным телесным касаньем...
но — я мощный Борей, избавитель от бранных оков
я огонь заменю тебе нежным, как сон, замерзаньем

уже на границе миров,
на подступах в бархат беззвучья,
стою, как мой пращур, Иов,
и слово жду веское, щучье

о, пращур Иов, не ропщу
о том, что не ловится щука
мой дух кем-то вложен в пращу
вдали от источников звука

стою на границе миров —
дешёвым, бухим чичероне,
Вергилием, рухнувшим в ров,
ворюгой, что здесь не в законе

но дух мой, что вложен в пращу,
пробоину сделает в мире,
о коем уже не грущу,
мечты свои сбросив, как гири

ЛИСА И ВИНОГРАД

«виноград этот зелен, — озлившись, лисица сказала, —
захолустный и глупый — на что он мне сдался такой!
виноград этот зелен, — и губы со зла облизала, —
виноград этот зелен — подумаешь тоже, плейбой!»

но тем временем над виноградником солнце стояло,
и любви ликованьем сияли, как встарь, небеса...
и сверкал виноград зрелым соком — пунцовым и алым...
и светило сказало: «да ты дальтоничка, лиса!»

и смеялся Эзоп, потому что такая услада —
из-за облака райского видеть лису, виноград...
никуда не исчезла, но стала прозрачной Эллада,
и Эгейское море её возвращает назад

ПЕНЕЛОПА О СОСТЯЗАНИИ ЖЕНИХОВ

стрела твоя мигом прошила двенадцать колец —
только твоя, Одиссей! твоё остриё
(ты даже не целился!), в коловращенье сердец,
насквозь моё сердце пронзило, только моё

двенадцать колец — невесты, жены, змеи —
предназначались тебе, блудный моряк
мои эти кольца — ты понял? только мои!
союз наш предвечен: двенадцатикратный брак.

ОДИССЕЙ И СИРЕНЬ

о пытка красотой! что может с ней сравниться?
о пытка совершенством на крови!
летят, летят, летят над морем чудо-птицы,
чтоб души праотцам вернуть в залог любви

о как они поют! залейте воск нам в уши!
о как оно поют! на горло — плотный жгут!
о как они поют! спасите наши души!
убейте, боги, нас! о как они поют!

о как они поют! о привяжитесь к реям!
безумием своим вы множите экстаз...
о как они поют! к каким же чародеям
нам вопль обратить: спасите, боги, нас!

не надо нас спасать! кишки — багром — наружу!
о броситься за борт — и сгинуть ввек на дне...
о как они поют! милей подохнуть в стужу!
о как они поют! сгореть живьём в огне!

о пытка красотой! за что такие муки!
за что неразрешимый этот ад!
о скалы! к вам с мольбой протягиваю руки —
разбейте об утёс... я не вернусь назад!

ФЛЕЙТИСТ

фламандское кружево флейта из воздуха вяжет...
изысканно переплетение... нежен рисунок...
сквозняк... дырчатый воздух кончается... даже
мощнее та флейта сестёр — гитар-семиструнок

прелюдия Баха мне с хрустом ломает хребет
и мозг отключается сам, не снеся передозы
рвалась я присвоить — воздух! вот смертный-то грех!
а что материально? — мои слёзы

ГЕФЕСТ, БОГ ОГНЯ

царь горна, молотобоец Гефест!
он силён, колченог
он перебрал сотни невест,
тыщи дорог

он в детстве не просто на дне моря жил —
он там ковал, он ковал
он из бугров состоит, из жил,
могуч, как девятый вал

я я живу — на межзвёздной горе,
мне имя — Афина
я наперсница розовоперстой заре —
ликом — женщина, духом — мужчина

я рождена из мозга отца,
у озера Тритонида
мой шлем — это часть моего лица,
часть левой руки — эгида

но Гефест — существует отдельно, он
рождён из огня и металла —
для огня! для металла! он выковал трон —
сама Гера на нём восседала

но Гефест — он и есть огонь и металл,
мужское стальное семя!
он свой нрав сам себе всечасно ковал
он пробьёт, он расплавит время

но Гефест — колченогий всесильный кузнец,
бог горна и наковальни
он расплющит сто тысяч женских сердец,
лишь вздумают грезить о спальне

но Гефест — он сам себе манифест,
Предвечный Закон и молот,
он сам себе бог, вне других божеств,
он сам себе — пламя и холод

БОЯРЫШНИК

боярышник снова расцвёл...
и где только силы он взял?
таится застенчивый ствол,
который все тайны познал —
алхимии, вуду, таро...
дух, вспенившись, весь небосвод
объял, как восставший Пьеро...
боярышник щедро цветёт

боярышник, здравствуй, дружок!
ты белым бывал и зимой,
а нынче, в свой сказочный срок,
ты бел — но не сед, как изгой,
ты бел — но не так, словно раб,
кичащийся в белых шелках...
а так, словно вытолкал кляп
из сердца! сгорая в снегах...

ПУСТЫННИК

чураясь толп, ареопагов, соборищ —
всего, что суетность возводит в суть,
он медленно испил густую горечь
людского отчуждения — и в путь

потёк, совсем как тот слуга послушный —
вдохнувший сок анчара, то есть ад...
но мой герой, чей силуэт воздушный
я зрю одна, не тянется назад

он остаётся там, где бестелесность
высоким знанием его дарит...
и, черпая в тиши благу честность,
с Творцом он говорит

ФЕБ

натурщик, изображающий Феба,
совсем не похожий, почти что курносый,
не просит ни отдыха в келье, ни хлеба,
лишь чашку воды из-под крана он просит

нагой, весь покрыт золотою он краской,
с пластмассовым жезлом, с веночком нелепым,
уже чуть живой под навязанной маской
(и, кстати, не так-то легко быть раздетым)

но разве имеют значение стоны
и факт, что воды всё равно не получит,
что кожа не дышит, что вместо иконы
он выбран (лишь тернии Мастера учат) —

коль Мастер нацелен разрушить шаблоны,
он будет того перемалывать Феба,
какой уж достался... нещадны законы —
призванья, борьбы, огнепальности, неба

ПОДОРОЖНИК

устан от незавешенных зеркал,
от чирканья сырой бесплодной спички
(хоть душу-то давно уж Бог прибрал,
а тело нудится здесь по привычке),

устан от пустотелости стихов
— свеча горела или не горела —
что толку знать про счастье дураков?
какое, ёлки-палки, нам-то дело?

устан от мельтешенья кулаков,
от зуботычин, плюх, от червоточин,
мы понимаем: такова любовь —
как подорожник мёртвый вдоль обочин

КАРИЛЬОН

твоё лицо за край земли
зашло, и навалилась тьма...
но колокольни вознесли
незримые колокола

я слышу тайный нежный звон,
как будто избранности знак
мерцающая, манит карильон
меня в хрустальный саркофаг

как спящая царица, я
зрю первозданные края
на дальней ласковой планете

но разъедает сердце соль,
и рвёт его такая боль,
какой не выразить в сонете

ЗНАХАРЬ

ей не нужен пахарь, ей нужен бахарь,
потому что любит волшебные байки...
ей пожаловал зелье заезжий знахарь —
чтобы щёки цвели, словно майские маки,

чтобы ленты в кóсах пó ветру стлались,
чтобы сердце в груди — словно мёд в молоке,
чтобы смех — всем хозяйственным жёнам на зависть,
чтобы жить недолго, уйти налегке

проснёшься ты от топота подков,
подумаешь: война
но это не война — смотри: любовь
промчалась вдоль окна

деревья сломаны, кусты в огне,
цветов уж нет, ограда сметена...
и вот что видишь ты в своём окне:
любовь и есть война

СТАРЕЦ

и тёмный, и ветхий стоит на угорье твой скит
в разрезе на горле заката светило сквозит
но только иссохнет кровавая рана зари —
вкушаешь ты то, что едва ли вкушали цари

костляв ты и грозен, как белобородый Харон,
и ждёт домовина в сарае — твоих похорон
но вновь скидает девчонка пунцовый платок,
чтоб плотью земной до отвала наесться ты смог

лежишь под иконой, как молнией в лоб поражён
глаза у девчонки — как выбил ушкуйник ножом
не видит тебя, словно ведьма колдует, кричит
нездешняя страсть заливает твой старческий скит

...уйдёт поутру, босоногая, в лес, на восток
и вот уж истаял далёко пунцовый платок
а ты, домовине скрипучей лаская пазы,
всё чувствуешь влажным межножием тело гюрзы

ЧТО ОНА ДЕЛАЕТ

1

«Что делать нам с бессмертными стихами?
Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать».
А что нам делать с музыкой над нами? —
Уже решил? Садись, мальчонка. Пять.

Что делать, если в печку не садится,
Как упомянутый тобою хлеб,
В постель, как женщина, тем паче, не ложится,
Хоть ты от похоти уже ослеп?

А ты б нашинковал её, музыку, —
Под «умп-ца-ца» водяру заедать!
Пусти её, блаженную, на лыко —
Чтоб, лапотком черпая, щи хлебать!

2

А ты не хочешь, мальчик, чтоб музыка
Багром тебе — кишки из живота?
Не хочешь, чтоб на дыбе, безъязыкий,
Болтался ты, как мясо, без креста?

Не хочешь, чтоб она твою бы душу
Стянула бы испанским сапожком?
Ты, мальчик, думаешь, что будешь слушать, —
Чай заедая сладким пирожком?

Не хочешь, чтоб она в твоё бы сердце
Крепчайшей захлестнула кислоты?
Чтоб, кожу натерев крепчайшим перцем,
Шпицрутенами жгла до темноты?

А плёток — на бескожные на плечи?
И всё — под твой возлюбленный мотив?
Она, как ворон Прометею, — печень
Всю выклюет, сердечком закусив!

Зальёт тебе в гортань свинец кипящий,
А косточки твои — в глухой овраг...
Вот мастерство музыки настоящей...
Вот что музыка делает, дурак.

в меня, забриту на вечную войну,
хоть влюблены собратья по борьбе,
но я люблю простую тишину,
которая живёт в тебе

а ты, на ком сошёлся белый свет,
ты не совпал в тональности со мной
и любишь душу — не мою, о нет —
с такой же тишиной

ПОППЕЯ — НЕРОНУ

«я ничего не видела ужасней,
чем ты, Нерон, ласкающий кифару...
я ничего не видела прекрасней,
чем ты, Нерон, терзающий меня....

что если поменять меня с кифарой —
отдать ей нервы преданной Поппеи?
что, если струны золотые хордофона
мне нервами послужат для игры?

для той игры, Нерон, ведя какую,
ты потерял свой облик человеческий...
я Волка Апеннин зову на ложе...
да ведь и я с тобой — не человек

так! решено: возьми меня кифарой —
больнее впейся, дёргай нервы-струны!
ну а кифара пусть бесслёзно будет
на пламя Рима, как и ты, смотреть»

ты зачем зарубил весну — да на полном скаку?
чем весна твоей засохшей душе помешала?
занавесил бы плотными шторами душу-тоску —
и шкандыбай себе до прокуренного вокзала

но ты зарубил весну — тупым топором
у весны — буграми кровавыми вспухли губы
она, как золотая рыба, распахнутым ртом,
ловила, ловила, воздух, отрубленный грубо

спите, милые дети, предаст вас родная мать
не надо думать про губы, топор и рыбу
надобно спать, тихо в колыске спать,
покуда чужая душа не пошлёт на дыбу

ЦВЕТЕНИЕ

где художник цветёт, там немислимы двое
он не допустит второго в сказочный карцер,
где он чист, словно пение у аналая,
где он статен, словно небесный канцлер

за собой оставляет художник, будто экзамен,
не толстомясые листья тупого алоэ —
оставляет он женщин с выжженными глазами,
с сердцами, полными жёлтых окурков и гноя

но зато — каков пожар в его средостенье!
о, как золотом там разливаются райские птицы!
и хмелит, сладострастно хмелит перегной разрушенья!
лишь созидание с ним сравнится

В ГОСПИТАЛЯХ

в лазаретах сквозных и непрочных — нет, в госпиталях,
в госпиталях с костылями, в перевязочных кабинетах,
в призрачной паутине бинтов, в красно-чёрных щелях
иссохшихся ртов, в разболтанных шпингалетах

окошек, глядящих на серый наждачный двор,
на лес чернецов и, как водится в русской сказке,
на ведьмачий, с волчьими черепами, забор, —
я упорно пыталась найти акварельные краски,

чтобы дать тебе знак, что тебя одного люблю —
тебя, одного, состоящего из обрубков
древа, не давшего палубы кораблю,
где свистел бы хмельной флибустьер в капитанской рубке

я всего лишь сестра — мне не стать ворожеем, врачом,
исцелителем, знахарем — но помоги же мне, Боже,
одинокий твой час облегчить беззаботным лучом...
моё плечо обрублено тоже

ни умом, ни трудом,
ни алым цветком,
ни талантом, ни златом,
ни пилою, ни молотком,
ни гусарским ментиком, ни сапогом,
ни удалью молодецкою, ни булатом,
ни даже хитрой на флейте игрой —
не проникнешь сквозь тайную мою дверцу...
но лишь отравленной той иглой,
что растёт из твоего сердца

МУЗЫКА И БЕЛИЗНА

земля, Расскажи, как из тёмной,
из жижи глухомуычащей своей,
ты делаешь свежее — бурное —
белокипенное молоко?
это — парение — белизны?
да: это — парное — млеко?
корпит ли в узилище чернозёма
угрюмый, как бес, чародей,
соки колбы бесстрастно перегоняя —
в бал, в кринолин облаков?
для того ль перевариваешь разумного,
растерзанного человека —

в утробе своей, рассосав
скудельный сосуд до безначалья, до точки,
чтобы снова, звеном в той цепочке,
где нету — мажора, минора,
выдать — в один удар! —
новую бестелесность —
и точность, точность?
для того ль поглощаешь
мычание слепорождённой строчки,
чтоб соцветья твои перетекли в облака,
в стройных созвездий хоры?
чтобы девственность слёз
перетекала бы в музыки непорочность?

ХРУСТАЛЬ

стройна и прозрачна твоя структура...
точка кристаллизации сводит меня с ума —
там заледенела бесстрастно слеза Амура
и в воздухе высокогорном запела зурна

перенасыщен раствор слепых человеческих мук...
прозрачный хрусталь венчает непрочное зданье,
где звук переходит в беззвучье — и снова в звук...
до встречи, мой призрачный друг, до свиданья

ЧЁРНЫЕ КРЫЛЬЯ

размах этих крыл перекрывает светила...
размах этих крыл перекрывает землю...
эти крылья черны, как черна могила,
не вопрошая — приемлю я, не приемлю

ты чёрен, как ворон, как чёрен земной антрацит
ты неподвижен, как мёртвый ворон, как сфинкс
твоя кровь тихо тянется к озеру: это Коцит,
твоя кровь из реки вытекает с названием Стикс

я гляжу на эти распахнутые крыла —
и леденеет русалочья в жилах моих вода
до тебя я ещё не жила, не жила —
я не знала, что значит беда

ТРИКОЛОР

не могу отвести никак, ничем не отвлечь мне свой взор
от тебя — я не монашка, я не Святая Дева...
и чрева позор во мне, и бьётся во мне триколор —
красный огонь греха, белый огонь гнева,

синий огонь тоски... мне скажут — голландский флаг
ты описала — и что же? какая же в этом тайна?
скажу: чтоб не понял дурак, не подкопался враг,
чтобы поверить самой, что написала случайно

оттого что я не люблю триумфаторов
(хоть за их фанфарами прячется мышь),
мне роднее молчанье неведомых авторов...
и я вижу: мой друг дорогой, ты не спишь,
а грызёшь, в оба глаза, глухой потолок —
безязыка звериная злая потреба
перегрызть прутья клетки... ты не одинок —
— ох, сколь мощен удвоенный кровоток! —
я уж вырвалась... жду в акватории неба

этот сон о любви не имел ни логики, ни сюжета...
да какая там логика? витязи... зной... золотая рыбка...
я была молода, уязвима, душа — плодотворно раздета,
а дубы и учёных котов объединяла улыбка

и все витязи, длинной шеренгой блестя, выходили из моря...
растянулись мечи и кольчуги на добрые полверсты
я вперялась глазами в конец, заклинаниям бриза вторя...
я знала: тебя не увижу, но вышел из моря и ты

туман, сварганенный наскоро из хирургических масок...
как я упала в него, лягушка без вида на жительство?
в тощее то молоко голубоватых красок?
в сад земных неувязок? в звериное это мучительство?

словно сильфиды и эльфы, беззвучны бомжи-полутени...
где я? в Бангкоке? в Ингерманландии? в Риме?
задыхаясь под хлороформом,
как под гроздьями белой сирени, я буду мычать,
но Создатель узнает твоё имя

МАРИНА МНИШЕК — ЛЖЕДМИТРИЮ

эта скудость твоя, закамуфлированная под Восток,
привела к тому, что на месте ветви цветов и листьев
прорезался только один — неприютный, чахлый — листок,
да и он, прямиком из принтера, канул в серый песок,
ибо скудость твоя не есть аскетизм гуманистов —

это просто банальная скудость... такая, как в той кладовой,
где дед-бабка скребли и скребли по давно уже сохлым
сусекам —

и наскребли на химеру, то есть на рот с головой —
с душою себялюбивой, с начинкою напускной...
совсем не такой, как у Божьего человека

МОЛЬБЕРТ

натурщик сдох, мольберт сереет голый...
держу стакан нетрезвою рукой...
какой я школы? Петербургской школы?
церковно-приходской?

натянем новый холст... оставим в чистоте...
ну, то есть в пустоте — всемудрой, вездесущей...
натурщики, сколь ни ищи, не те —
и, чем многозначительней, тем пуше

они голы, пусты... оставим голым холст —
точней, мольберт — призывный, неприкрытый...
кто я такой? актёр влюблён в помост...
а, может быть, в разбитое корыто

ПОКА МЫ В ВАГОНЕ...

пока мы в вагоне, пока мы с тобой в вагоне,
как два раздолбая, едем себе без билета,
то ли за нами погоня, то ль мы — в погоне,
несёмся в пространстве быстрее, чем божья комета,

пока мы в вагоне, пока мы с тобой в вагоне,
и все давно вышли, а мы ещё едем, едем,
пока нас швыряет, но вижу твои ладони —
пускай и не близко, но вижу, и счастлива этим,

пока то жара в вагоне, то холод собачий,
покуда ты смотришь так пристально и осторожно,
покуда мы плачем... смеёмся, но более — плачем...
ты знаешь, что важно при этом? — что жизнь возможна

В МИГ ДО ВЗРЫВА

гроздя света —
на воде да на реке
дьявол водит —
на коротком поводке
водит, водит
да цепочкою звенит
но под дубом
уж заложен динамит

оттого что —
сед, злопамятен амур,
коротёнок
под стволом бикфордов шнур
пламя лижет,
шнур тот лижет и ползёт
и, змеёю,
дуб тот мощный обовьёт

но в тот самый,
в распоследний самый миг,
закричу я —
ты услышишь этот крик
скажешь тихо:
ох, негоже так кричать...
в миг до взрыва —
смерть успею затоптать

ГОЛЛАНДСКИЙ ЖАСМИН

мальчишка жестокий, ты, видно, лишился ума —
меж Ладожским лесом и Финским заливом меня
дразнить, как и встарь, как в семнадцать... как будто луна
жемчужный ларец распахнула... как будто коня

созвездье Стожар — белоснежного — вскачь отпустило,
и сливок альпийских кувшин он разбил, и укор
созвездий не принял — вела его грозная сила...
но сельский стреножил забор

мой злой паладин белоснежный! тебе не поверю!
ты хочешь сказать — не поверю! — что в белом огне
мой сказочный север вернулся? и белые двери
мне белая ночь распахнула? — да, именно мне?

что я, в темноте той привычной, закована в ящик
беззвучного гроба, — сражалась, чуть зайца грозней,
с той силой — незримой? конечно же, — превосходящей?
но вот — прорвалась — к белизне?

ПЬЕРО

рукава у Пьеро ходят, как белые волны...
слёзы текут у Пьеро, как речные воды...
рот у Пьеро — чёрный, кривой, безмолвный —
ловит остатки выжженного кислорода

в этой пьеске смешной, в жёстком её механизме,
ты, именно ты, — непомерно значишь...
движутся, нитками, ручки и ножки жизни —
ну, Коломбины, — лишь оттого, что ты плачешь

клён гнётся под ветром, не замечая рябину
в рубиновом щедром венце...
я слишком долго смотрела в твою спину,
чтобы мечтать о лице
лицо твоё — это спина, принимаю
назначенный Богом закон
мы оба — деревья нездешнего края
спасибо за спину, клён

ГАДАНИЕ НА ПОТРОХАХ КУРИЦЫ

гадалка, а ну-ка давай, по кишкам по куриным,
не хуже, чем римский мне предскажи ауспиций —
какие там шансы у дамы трефовой, Марины —
фанфары ли ждут её или занудные лица

какие пиастры, какие, к примеру, пентакли,
военные астры иль венчики из бумаги,
и кудри оторвы — иль всё ж парики из пакли,
спектакли с аншлагом — или капуста в общаге?

и вязко заводит гадалка, тупа и слащава
(и, несмотря на апгрейд, по-цыгански сусальна),
что выпадает мне фарт и, конечно же, слава,
и, разумеется, принц — «на коне, натурально»

ну, и, конечно, тот принц (который в скитанье
вконец поумнел и возжаждал семейного рая)
мне дарит колечко для брачного сочетанья,
одновременно свой банковский счёт предъявляя

гадалка! тебя заклинаю: не надо, не надо
мне петь про набор суповой для людского комфорта,
про этот убойный конвейер пошлейшего ада,
который считаю я лучшею выдумкой чёрта

мне б надо... сюжет такой ранящий, остроугольный —
ну, чтобы в рубиновой той глубине миокарда,
где сердце само над собою не властно, не вольно,
играли б фонтаны и лютни, взрывались петарды

гадалка! пойдём-ка дерябнем вино-зелено,
а курицу эту лиловую — прямо на гриль...
всплакнём под забытые записи группы «Кино»,
станцуем под «Аббу» — и вновь откупорим бутылъ

глянь, жизнь повторяется: вот они, белые ночи,
и взрывов цветных петергофских фонтанов не счесть...
мне б снова безумную боль... но, ты знаешь ли,
впрочем,
грешно прогневить мне Создателя — боль уже есть

НОЧНОЙ ЖАСМИН

богат соблазнами ночной жасмин,
жестокие приёмы у жасмина —
потёр как будто лампу Алладин —
и выпустил на волю злого джина

и джин тебя морочит... говорит,
что ты — в Приладожье, в покое, дома...
а лампа белая — горит, горит...
и жемчуг светится... обманная истома

НОЧНОЙ САД

в дверь — едва различимый стук...
девчонка — к окну: он или нет?

белая ночь... у двери — друг
в руке — полевой букет

стоит недвижно — быть иль не быть...
в колодце чёрном — безмолвна вода...

как этот кадр остановить?
так, чтоб он был навсегда?

за занавеской — девчонка молчит...
под покрывалом — бела кровать...

чтоб этот кадр остановить,
надо одно: не открывать

НА ТОЙ ГЛУБИНЕ...

на той глубине — я не женщина, ты не мужчина...
божественный жемчуг зерном вызревает во тьме...

на той глубине, где только кораллы — причина
воды кровотока, где гладкий песок на дне,

на той глубине, где беззвучно проходят тени,
где сердце навек забывает про запад, восток, —

на той глубине мы сольёмся в конечном смятенье,
рождая на выдохе синей волны — завиток

МЕЧТАНЬЕ

с мечтаньем ночным вытекает последний сок,
сереет восток, как от щёлочи; цвет щёк
становится тоже серым, землисто-серым —
или пепельно-серым — зависит, каким манером

мазнуть по зеркалу чёрным, как бисер, зрачком
бабочки мелкой, отвергнутой дачным сачком...
я — женщин подлунных желчный больной эпигон...
вместе с мечтаньем уходит последний сон

не мечтай! — так писал философ, — очнись, не мечтай!
но цветёт, сумасшедшим потоком, иван-чай,
твои русые волосы грубо ласкает ветер,
и утро моё алчет, чтоб народились дети

мы идём... нам по бёдрам по голым хлещут цветы...
я хочу, чтобы дети были такие, как ты...
но в дочитанной книге назначено наоборот
я даже не знаю, как пахнет твой пот

ты боишься тьмы, ты боишься света,
начала зимы, конца лета,
пляшущих теней в коридоре,
срамных словес на заборе
и себя — с самим собою в раздоре

в этом мы, как два канделябра, похожи —
не люблю двуногих, их продувные рожи,
да и свою не жалую, пусть и не столь продувную —
к лучшей версии яро себя ревную

я стою у окна, позабыв про книги...
сбросив груз власяницы и лет вериги...
смотрю в небеса, похожие на кефир...
не люблю мир людей, только собственный мир —
более-менее

ОПИСАНИЕ ЦИФРОВОГО ФОТО, КОТОРОЕ ИСЧЕЗЛО ИЗ-ЗА «ГЛЮКОВ» ФБ

на фотографии вы можете видеть —
дом, дерево, птицу,
спортивного стройного человека с гитарой,
велосипед, надувные шары
(иль человечьи лица?),
хрущобу, витрину,
пасхальную «знижку» для грустных товаров
быта; на фотографии вы можете видеть:
се — не столица

на фотографии вы может видеть:
он пьёт пиво или кефир
(тот человек с гитарой), присев у комеля дуба;
кургузый «пам'ятник визволителям»,
кафе «Колиба», баню и тир;
на фотографии вы можете слышать
голимый блатняк из клуба
в стиле ранний советский ампир
на фотографии вы можете видеть собаку,
а также коня,
тётку в крутой вышиванке —
восьмидесяти иль тридцати;
на фотографии вы можете видеть
«неместную» пани — меня,
в чёрных очках, не смеющую подойти
к человеку с гитарой — почти на закате дня

ЭЛЬФ И ЦВЕТОК

эльф и цветок слились воедино —
эльф и цветок...
тычинки ресницами водят невинно...
эльф тянет густой золотой сок...

булавой патриарха взошёл чёрный пестик,
жезлом вождя чернокожего в Дар-эс-Саламе —
в угрюмом, животном желанием мести
эльфу с трепещущими крылами

но нету смысла — ни в шпаге, ни в сабле,
ни в тяжкой, чугунной, животной думе...
высосанный до самой глубинной капли,
цветок уже умер

ЭЛЬФЫ

эльфы — незримы, хищны, зловещи,
эльфы — камуфлируются под женщин,
а то под мужчин — и даже детей...
эльфы малы, как лесные клещи...
эльфы живут вне обид и страстей,
губят — смеясь, на лету, без затей

они музицируют на мандолинах...
паразитируют на мандаринах...
тонкий, как пытка китайская, звон —
соблазном любви истязает чашу...
и эльфы, смеясь, убивают — для вящей
земной красоты — с Начала Времён

ВУЛКАН И МОРЕ

Бесстрастное море
обломки фрегата качает
здесь нет берега от смерти,
и берег держит удар

но море — огонь разжигает...
но море — огонь разжигает вулкана...
и хлещет кипящая лава
в холодные воды,
и хлещет кровавая лава
в холодные воды,
и хлещет, и хлещет, и хлещет...

не получая ответа —
рождая лишь пар

ОТШЕЛЬНИК

дышат гении столь потаённо,
что не делают громких имён —
и вообще никаких... и знамёна,
войны, деньги, любовницы, жёны
им чужды от начала времён

полыхает костёр одноногий —
и отшельник лелеет пожар...
на воде пишет вечные строки...
чайки жадно читают... сороки
разжигают ребячий пиар

но он жаждет — ещё потаённой...
ведь в лесу — словно бы на юру...
устилает пещеру соломой...
и — всё мало... всё — словно не дома...
тянет — глубже... уходит в нору

и в норе замыкает он створки,
замыкает и зренье, и слух...
мир земной, от создания горький,
исчезает в агонии оргий...
и целует свой посох пастух

эта тьма — без мужчин и без женщин,
без людей — дарит гению твердь...
а потомок, изгнаньем увенчан,
обнаружит под створками — жемчуг...
нежный жемчуг... безмолвный, как смерть

ГНОМ

я пришла к тебе, гном... покажи мне алмазы,
покажи мне рубины, смарагд, малахит...
покажи мне всё то, что открыто для глаза...
покажи тайный мир, что для глаза сокрыт

и сказал старый гном: «ты наслушалась сказок...
посмотри, я, как нищий калека, раздет
у меня — ни алмазов, открытых для глаза,
ни алмазов сокрытых — в помине уж нет»

ПТИЦА СИРИН

...а ты сидишь себе и ножками болтаешь
на веточке — и песенки поёшь
сидишь — и, знай, играешь-распеваешь
на самого себя до ужаса похож

какое — приманить! тебя ведь не приманишь
ни золотом-серебром, ни яхонтом-зерном...
лишь не спугнуть тебя... но ты так зверски ранишь —
хоть раны затыкай руном

на нерест прут сердца, гранатовой икрою
взрываются — и рёбра разрывают в хруст...
но полыхаешь ты предвечную зарёю —
и, как безумный, полыхает куст

ох, зверский зверь, багром кишки тягаешь...
рука нашаривает дробовик...
но ты, сверкнув пером, волшебюно исчезаешь
в тот самый миг

СОСУД

ТЫ состоишь из воды — воссоздам я из глины...
ТЫ утратишь свой дар — растекаться и плакать...
В печи обжига тесной, сухим огнём опалимый,
ТЫ похоронишь мягкость и мякоть

я потом, может быть, ещё пожалею об этом,
увидев случайно каменные твои слёзы...
но поживи как сосуд этим коротким летом —
просто сосуд в рваных тенях берёзы

когда живёшь потаённо, а хочешь ещё потаённей,
зажмурь глаза — и смотри, что покажет Бог
ты видишь: синий цветок, целуя гладь водоема,
голову поворачивает на восток

взгляни, сколь бесхитростна, сколь неприметна
жизнь сложноцветного существа...
и трепещешь, как флейта, во влажной гортани ветра
от чувства родства

Пенелопа вязала — не потому, что ждала:
она как раз не ждала — вот потому и вязала,
и распускала вслепую... режет глаза — зола
от сожжённых писем... дым — от поезда и вокзала...

зачем Пенелопе всё это? вязальный крючок —
вот мирный собрат чёрных компьютерных клавиш —
наберёшь и распустишь... писем нелепых пучок
никому не отправишь

ВИОЛОНЧЕЛЬ

в гортань свою впустив безумных пчёл,
рыдает зло, навзрыд виолончель...
ах, власти беспредельной не учёл
смычок беспечный, попадая в цель

ах, то не голос пчёл, то женский плач —
ужель не слышишь ты тех страстных нот?
бесстрастен инструмент: то звук горяч,
но замкнут рот

ГОЛОСА

он говорит: «твое сердце бездомно,
оно не свивает гнезда...
я обыскал этот ясеня огромный —
крона его пуста»

она говорит: «мое сердце безруко,
птенцы мне совсем не нужны...
твои наущения — мне не наука,
чужеродна мне радость жены

и не ищи меня в зелени древа —
живу я в потоке ветров...
я не демон — и я не скудельная дева —
лишь отзвук иных миров»

ЦЫГАНКА

от слёз твоих влажным стало моё монисто...
ты зол и раздавлен, мой белый бессильный собрат...
но как ворожить мне? сердечко твоё когтисто —
ты сам же себя терзаешь, годы подряд

моя ворожба ничем тебе не поможет —
когтисто сердечко твоё... умелый палач,
изводишь себя — и сладко сдираешь кожу
со всякого, кто замечает твой детский плач

не плачь, белокожий, я карты, конечно, раскину
и зелья тебе на дорожку бутыль снаряжу...
но вижу воочию: не разогнуть тебе спину...
утешься смертельным зельем, вот что скажу

СОН ПРО НЕЧЁТНУЮ СТОРОНУ ЛИТЕЙНОГО

Литейный: гремела трамвайная жесьть...
чуть сыпал богемный питерский дождик...
во сне ты был злой, худой и художник —
такой, как ты есть

темнела нечётная там сторона
Литейного... в ношеной безрукавке
тащил ты мольберты с выставки-лавки —
угрюмый и едкий, как сатана

я знала: в каморке запалишь ты газ
и молча заваришь пьянящий чифирь...
и даже изменишь цвет своих глаз,
краснея от робости, как снегирь

защити меня — мной, а себя уж собой...
будем рыбою биться двухспинной немой,
слушать сердца безглазого сбой

слишком верю я в Замысел, чтобы уйти...
ты не смейся, я тоже ведь знаю пути
к ретировке, но вот — не могу дорасти

мне так страшно на шахматной этой доске
словно тать затаился в ближайшем леске
дай прижаться щекой — на мгновение — к щеке

все слова мои вмёрзли по горло в Коцит...
но я чувствую: пристально сверху глядит
чей-то глаз — и при том ни секунды не спит

ГАЛЕОН

любовь отступает, как воды Арала...
где пела волна — там темнеет болото...
а после — безжизненное покрывало —
пустыня зовёт своего Геродота...

и вот — галеон сиротеет невзрачный —
нелепый среди мелочной ряби бархана...
под бурей скрипят почерневшие мачты,
в бесплодных мечтах высыхает рана

а хуже всего — это яркое солнце
и та пустота, что прикинулась небом...
как голо и призрачно... сердце не бьётся —
задавлено ссохшимся каменным хлебом...

немой галеон иссыхает без веры...
но — несокрушима о чуде молитва!
и мною с песком не проиграна битва —
я — ливень отвесный из Каменной эры

да: несокрушима молитва о чуде!
и сердце вновь полнится кровью коралла...
и время — вспять — за галеоном — придёт...
и чувства придут, как воды Арала

в бездонной ночи — не в томной лирической ночи,
вдоль камня планет безжизненных проплывая,
повстречала тебя — в человеческой оболочке...
так странно мне было... как доказательство рая,

ты медленно плыл — какое-то время — рядом,
мой брат и мой бог, космический мой Ихтиандр...
но рай продолжается, как и положено, адом:
не тело живое то было, а только скафандр

Я ИДУ ЗА ТОБОЙ...

я иду за тобой, словно нить за иглой
мне сова нарекла перестать быть собой...

ты идёшь — бестелесных не помня шагов
и не чувствуя с верой протянутых рук
поле скошено вгладь, и не видно врагов —
но ведь нет и друзей — и не ждёшь ты подруг

я иду за тобой, словно серп за луной,
словно плач за растянутой в смехе губой

я иду за тобой, и я слышу напев
той распатланной ветром ветлы у реки:
«износила железные ты башмаки...
ты умрёшь, сапоги золотые стерев...»
я иду за тобой, словно мир за войной,
словно знахарь юродивый — вслед за чумой

я иду за тобой... мне незримой пришлось
стать в дороге сей сумрачной, боль истребя...
ты прости, что тебя всего вижу насквозь —
оттого и не вижу тебя

СЕРЕБРО

поэт — не изгнанник, но Божий избранник,
он входит в Хрустальный Дворец...
и ангелы знают: вот прибыл посланник
от детских бездомных сердец

Хрустальный Дворец тот на солнце сверкает,
построен из вздохов и слёз...
и купол — мольбу в небеса излучает —
безгласности апофеоз

художник же — молится... лик свой к востоку
в восторге мольбы обратил...
и солнце, словесному внемля потоку,
свершает природу светил

и внечеловеческой мощностью рая
надмирное хлещет добро...
...художник — жар золота чуть охлаждает,
чтоб в мир донести серебро

МУЖ МОЙ, КЛЁН

я замужем за клёном... он стоит,
как менестрель, перед моим балконом...
зайди же в дом, мой муж и мой пиит...
учтивым он ответствует поклоном

тогда сама к нему я выхожу —
и обнимаю ствол его шершавый...
слова любви беззвучно возвожу...
и он молчит — мой добрый, величавый...

я не постигну, видно, никогда,
что чувствует ко мне мой повелитель...
и вот уже осенняя вода
струится с листьев на мою обитель...

но я надеюсь, что, покуда смерть
нас топорщиком времени не срубит,
он мне позволит на себя смотреть...
и смотрит на меня — ну, значит, любит

ЦЕЛИ НЕБЕСНЫЕ

небо всё в дырках, как будто шарахнул ты
дробью, в луну, а попал в молоко...
цели небесные щедро распахнуты —
грустно, что мы далеко

цели небесные — столь громадные —
взлом человеческой шкалы!
дробовики наши — детские, жадные...
грустно, что мы так малы

СТАТУЯ

её вырубili из мрамора... приговорили сидеть
в мраморном кресле —

с какой-то латунной табличкой...

но, может быть, ей хотелось бы встретить смерть
в телесном обличье — танцоркой или певичкой...

она хотела бы телом сливаться с ним,
кто, отрицая телесность, был очень телесен...
он танцевал и пел, как демон, как серафим, —
но ей не выпало с ним ни танцев, ни песен

она хотела бы просто последовать вслед
его следам — покуда там хватит глазу...
но вырубili из мрамора — таков уж билет...
он выпал ещё до рождения, сразу

ВОДА И ВОЗДУХ

как воздух не сливается с водой,
хотя он с ней сливается, конечно,
в проклятой диалектике с тобой
я познаю, под пыткой, рай кромешный

вода, вода... твоя душа — вода...
но воздух тоже вездесущ и влажен —
и входит, словно в масло нож, в тебя —
мой воздух — сквозняком жестоких скважин

мой воздух — зол, свободен... кислород
несёт он безязыким рыбам плоти...
сколь розов и огромен рыбий рот!
но — жабры кровожадные в работе,

а не язык... вбирают воздух мой,
а притворяются, что вовсе не вбирают...
захлёбываюсь я твоей водой!
а рыбы плоти — пусть их... умирают

это нормально, что только — спина, спина...
это нормально, нормально, это нормально...
только спина — да зато мне она видна —
очень рельефно, отчётливо, неформально

это нормально, что финишный свой марш-бросок
я совершаю нелепо и так скандально...
это нормально, что кровь уходит в песок...
куда же ещё ей деваться? это нормально

струна есть источник разящего сердце звука —
но в воздухе, в воздухе — физика говорит...
а коль отсосали воздух, напрасно и Божье ухо —
струна не звенит

но я же тебя и без воздуха — слышу, слышу
а слышать тебя — это чудо, отрада и честь
и вот, чёрт возьми, у меня ведь сорвало крышу —
значит, есть ветер... ну, значит, и воздух есть

ЧЕРНЕЦ

пахнет мхом и грибами предзимний заброшенный бор
у костра на поляне молчат старики-черноризцы...
ты у комеля ели, один, и задумчив твой взор
сквозь блестящие русой слезою густые ресницы

затаюсь я поблизости — буду бесстыдно смотреть,
как целуешь свирель, чьи отверстия — словно бы гнёзда
для бездумных птенцов... и птенцы выпадают на смерть...
ты не видишь меня — я, конечно, прозрачна, как воздух

СКРИПКА

прочь, проповеди... зря моё вы сердце
сказанием про богочеловека
тараните... его глухие дверцы
не распахнёт житейская аптека

глупцы: под монотонною осадой
не сдастся вам алмазная звезда...
её не ухватить, как уголь ада...
звезда сама пойдёт в полон, когда

ты свой смычок взовьёшь над облаками —
и вот — бессменный кроткий ученик —
я под твоими запою руками...
и нету смерти — только Божий лик

ГИТАРА

соседка рождается сразу с соседом
нувориш рождается сразу с сигарой
голландец рождается с велосипедом
а ты родился с гитарой

кастрюля рождается сразу же с крышкой
торговец рождается сразу с базаром
концлагерь рождается сразу же с вышкой
а я — с неким странным даром

угрюмо живёт моё зреньё и скрытно,
и вижу я то, что для прочих незримо:
с гитарой сращён ты в веках монолитно...
смиренно и нерасторжимо

кто напился друг другом так жадно, так власть,
тем и смерть перестала быть фильмом запретным...
разрывает нутро первобытная страсть,
чтобы эхом остаться затем безответным

на дистанции в три миллиарда парсек
мы ласкаем друг друга вслепую, вслепую...
и целует застенчиво зверь-человек
только робким мечтанием душу другую

глаза твои жёсткие, в цвет камыша да коры,
открывают порталы в зелёные с серым, миры,
где я — и кума королю, и сватья министру,
где в мозгу бензином безумным клоочет канистра

потому-то не смей —

 будь умней, будь умней подносить
мне твою зажигалку — когда попрошу прикурить
я ведь вспыхну в теракте, как сельская средняя школа,
не снеся от тебя ни потока похвал, ни прикола

если бегло взглянуть с дельтаплана на твой городок,
он похож будет на виноградную гроздь
Мандельштама...

на черненье по сѣребру, на гобелен, на урок
по истории битв, где подробна картина и рама

если бегло взглянуть с дельтаплана на мой городок,
ты увидишь меня, различимую в рейнском тумане,
что взирает на небо с надеждою — это же Бог? —
и права, как всегда: потому что там — ты в дельтаплане

ФЛЕЙТА

если выставить блок из продольных блок-флейт,
то получится детский прообраз органа,
что на кухне трущобы фаллический Фрейд
воссоздал, как в кино, для большого обмана

вот и думают дети: небесная прана
наполняет собой Дионисов тростник...
но — то в горле флейтиста жестокая рана
вытекает, как жизнь, в прозрачный родник

ПАСТОРАЛЬ

ты помнишь? — мы жили на ветках древесных,
чирикая в яростной синей лазури,
мечтая, как звери, о ласках телесных
и прочей земной предсказуемой дури,

и дерево бомбами, то есть плодами
увешано было, как мозг террориста,
и этих плодов, нам с тобой в пополаме,
хватило б с лихвою в раю лет на триста

и вдруг — я узрела себя в сарафане,
тебя же — в отчаянной косоворотке...
перстами плясал ты на красном баяне...
эх, волос твой длинный, да ум твой кроткий!

да: волос твой длинный — и наглый, и русый,
и голос твой — злой, с хрипотцой возбужденной...
ты грудь мою лапнул — и синие бусы
враз хлынули наземь, как дождь изумлённый

КЕНТАВР

дождь штрихует и шнурует серебром
стёкла окон... заколачивает дом...
в красном платье, пью зелёное вино...
зелень трав уж под землёй — мне всё равно

осень... раненый кентавр — велосипед...
чьими пальцами бывал тот руль согрет?
дождевое под окном шуршит пшено...
заржавеет тот кентавр — мне всё равно

ну, допустим, я резка и не права...
но куда девались — плечи, голова?
грива русая, лешачьи глаза?
рот, что веточку рассеянно кусал?

часть жестокого кентавра — под окном
но другая — избегает грустный дом...
лета не было уже давным-давно...
в красном платье, пью зелёное вино

МОЁ ШКОЛЬНОЕ СОЧИНЕНИЕ НА ТЕМУ О ДАЛЁКОМ ДРУГЕ

в той странной стране не живут цветы,
там воздух дают на развес, по талонам
но там выживаешь и старишься ты...
у тёток в квартирах — картинки с Делоном

ты хочешь уехать, тебя всё достало,
ты хочешь под небо на боинге взвиться
но на отопленье разобраны шпалы,
и боинги все передохли, как птицы

там телик на кухне, как око Циклопа...
там вместо «привет!» говорят: «денег нет!»
солдатик мой родный в могиле окопа...
я вижу твой сказочный велосипед

вот ты б оседлал своего Росинанта,
примчался ко мне, во владенья Тацита,
где — для возрожденья души и таланта —
сгорим до последнего эритроцита

но твой Росинант под окошком ржавеет,
и спицы молчат, как гитарные струны...
а дух твой свободный, где хочет, там веет —
он сам создаёт свои солнца и луны

ни кайлом, ни кандалами,
ни серпами, ни цепами,
не заслужишь эту милость,
что даруется сама...

ни умом, ни дарованьем,
ни красою, ни богатством
не подвигнуть человека —
человека полюбить

просто что-то щёлкнет в небе,
как замок на чемодане,
и увидишь вдруг глазами,
полными седой золы,

что прошёл вслепую, мимо,
той, что сердце отдавала —
в мире, где скопцы и звери
были ни добры, ни злы

МЕТЕЛЬ. ПЕТЕРБУРГ

мерцая глазами, горластые люди
вовсю танцевали, и пили, и ели...
шары золотые — на глиняном блюде...
шары серебра — на разлапистой ели

бутылка кагора, прообраз аорты,
темно багровела на белом, крахмальном
и царствовал кот, словно Генрих Четвёртый,
на шёлковом ложе — запретном, двуспальном

и гроздь винограда ко сроку созрела,
прикинувшись люстрой, качаясь от топа
и напоминая душе то и дело —
обиду лисицы, Элладу, Эзопа

и белыми нитками, диагонально,
строчила, по дюжинам чёрных рубашек,
метель... разрастались сугробы печально
из писем немых, не отправленных наших

...ты сел на кровать, ты пожал коту лапку,
плечом серпантин своих слов обрывая...
и эту случайную праздную ласку
куда-то — не мне, но в метель — посылая

КРЫСОЛОВ

не верю заклинательному слову,
мне сказки — трын-трава...
но как не верить — дудке Крысолова?
какие тут слова?

и дик, жесток в своей гордыне жуткой,
враг всех основ,
перетолок мне душу дудкой
ты, Крысолов

но я не крыса — слышишь? — отчего же
злорадный ток (здесь не поможет мать!)
твоих вибраций мне сжигает кожу
иль шкуру — как сказать?

звук — для тебя всего лишь злая шутка,
но я — на поводке...
как цепь, мне тянет, тянет сердце дудка
в твоей руке

в мозгу — лишь звук, на шее — тёмный камень,
дух — налегке...
прощай навеки, город Гаммельн,
там, вдалеке

как дед, что тягается с репой,
любовь и должна быть нелепой

как волк, облачённый в бабусин наряд,
как смерть, что стреножит на полном ходу,
как пущенный в небо снаряд, наугад,
который зачем-то погубит звезду,
как этот избитый, в крови, дядя Том —
рыданья в читательской дали,
как сват, что с подарками ввалится в дом,
где сроду его не ждали,
как пень, что без смысла для глаза торчит
по чьё-то злорадной воле,
как я, что стишки беспрерывно строчит,
корчась в ночи от боли

даже Просперо-оружейник
попался в плен
у каждого есть свой ошейник,
свой слом колен

у каждого не только платья —
в шкафу скелет
у каждого — свой круг проклятья
лазейки нет

КУВШИН

кувшин в саду... он перегрет и пуст...
бокаст — и словно слеп при этом...
изнемогает глина смуглых уст,
иссохло горло... ни дождевки летом

он не дождался... добрая вода
его вниманьем обошла любовным...
он распадётся... ужас: ни следа
он не оставит... трещины неровно

покрыли тело... эхо завелось
в нём, словно мышь... но даже звук не вечен...
часов песочных истончилась ось...
он подставляет пожилые плечи

под разрушенье — честно, как солдат...
«воды, воды!» — ни у кого не просит
он знает: даже Бог не виноват —
придёт вода, но прежде грянет осень

САТИР И НИМФА

оттого, что он курит волшебную дуру-траву,
да и зелье, как люди болтают, какое-то пьёт,
он такой распаляет кровавый кумар наяву,
что свой меч разжимает поверженный Ланцелот

он такие заплачки, чёрт леший, на флейте поёт,
что молись — не молись

ты своим разномастным богам,
резко холод могильный до самых костей проберёт,
а с ним рядышком — адский огонь полыхнёт по ногам

и, подкошена, в речку златую ничком упаду,
и козлиным фальцетом на горке откликнется пан...
я не знаю, какую лешак этот курит траву,
знаю только, что сердце раскалывает пополам

ВЕРБЛЮД, МОЙ БРАТ

по-женски прячется Восток
в песках шафранных
и забивается песок
верблюду в раны

истерзанный, бредёт верблюд
— поскольку нет пути обратно —
туда, где гурий раздают
бесплатно

в одном горбе — запас скорбей
(как будто их в пустыне мало!),
в другом — надежды всех людей,
каких я на земле встречала

верблюд мой, брат мой, я с тобой
бреду, навьюченная торбой...
а в торбе — воздух голубой...
поплачь, мой друг седой, двугорбый!

но молча ты несёшь свой вьюк,
алмаз, беременный алмазом
и равнодушно смотрит юг,
безглазо

родной Сизиф, мой брат, верблюд...
погонщики горланят грубо...
молюсь за твой монаший труд...
целую замшевые губы

пока письмо моё летит
обычной старомодной почтой,
готовлюсь делать должный вид
на ставке нашей страшной, очной

но «должный» — он какой? боюсь
не в масть прийти, не в тон смеяться
боюсь тебя, себя боюсь,
боюсь, что стану не бояться...

но более всего — постой! —
спрямляющих боюсь линеек...
не намекай, что ты простой,
на шесть копеек!

потому я молчу и молчу, что в молчании есть чудо-окна
и в любое из них, на ходу, может ангел-спаситель влететь...
а слова только манят и манят, как в мае прозрачные стёкла...
и летят легковёрные птицы, и целуют стеклянную смерть

ах, как женский язык омерзителен —

жалок, извилист и влажен

а мужской — мускулист и жесток,

с напряжённой сухой губой...

одолев на дороге к тебе миллионы заснеженных сажень,

я не знаю того языка, на каком говорить с тобой

ЮРОДИВЫЙ

вот юродивый бормочет
синим чернозубым ртом
что он хочет, что не хочет —
мне ли рассуждать о том?
может, он такое знает,
что изведал только Бог
белым пламенем пылает
след его истёртых ног
я смотрю ему во спину,
человеческий червяк,
этих знаний половину
мне б не вынести никак
он стоит ко мне спиною,
лютый Божий человек
он ни с кем — и не со мною,
вне наук, библиотек
заключён в сосуд скудельный,
так же, как и я сама,
но его обзор — смертельный
для телесного ума
он стоит на отдаленье
ни уйти и ни позвать
я молю о просветленье —
хоть на миг его понять

ДЖИНН

пока ещё не выпорхнуло слово,
сохранны все хрустальные ключи
любви... и я молчать готова —
и ты — молчи... велю тебе — молчи

сколь нежен снег... беспутный Аладдин,
оставь в покое лампу... керосина
не подливай... на кухне мы сидим...
пьём чай — и всё же распяляем джинна

когда моя ночь доползла до предела
и напрочь обзор перекрыла стена,
и баюшки мёртвая нянька всё пела,
и, плакальщицей, подвывала луна,

мне Бог сотворил и послал Че-ло-ве-ка —
не ангела, нет, но такого, что мне
дыхание новорождённого снега
задаром раскрыл в незнакомом окне

и хлынула яркая, страстная сила,
и сердце, ликуя, шепнуло: ну вот —
ты воздуха горстку у Бога просила,
а Бог подарил — небосвод

для торжества белизны нужен дегтярный фон
для ликования снегов нужна безграничная ночь
снег и клокочущий дёготь — таков нам положен закон
руками его не расторгнуть, заклятьями не превозмочь

ты снег, а я аспидный дёготь... беззвучную власть белизны
собой излучая в пространство, ты в грозном сиянии спишь...
ты белую болью ласкаешь мои дегтярные сны
я чёрной змеёй заползаю в твою белоснежную тишь

СИРЕНЬ В СНЕГАХ

сирень, как Венера, пылает, пылает в снегах
защит её рот белошвейной иглой снегопада
но молит беззвучно о жёстких, нещадных богах
Великого Севера — южных богов ей не надо

что — южные боги? разнузданность жирных телес,
разврат монотонный да злая изжога обжорства,
фазаны да Рубенс, бокал да телячий рубец —
тяжёлые, скучные, глупые жанры позёрства

а ей бы... вот тех, светлоглазых, в Балтийских льдах,
с мечами, с рогами, с кольчугами — не подступиться...
щиты, словно солнца, сверкают в багровых руках...
и замертво падает блеском сражённая птица

сирень ты сирень, ты на Севере — что же ещё?
гангрена уже обручилась с твоими корнями
хрустят твои ветви под ввек неподъёмным плащом,
набиты карманы его ледяными камнями

возрадуйся, Ева, твои эмбрионы-цветы
взойдут на луне: посмотри — уже дверца открыта...
дороже мне всех человеков останешься ты —
ты девственна, ты белоснежно-чиста, ты убита

ЛЮБОВЬ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ

любовь во время чумы пылает сильнее,
ещё красней сумасшедший огонь на снегу...
тебя я узнаю среди миллиардов людей...
когда мы умрём, я снова искать смогу
тебя, только тебя — средь россыпи звёзд...
я стану умнее и зорче без гнёта ума
узнаю легко — мне вровень твой истинный рост
искать тебя вечно — это и есть чума

МАРИНА ПАЛЕЙ — прозаик, поэт, сценарист, переводчик.

Родилась в Санкт-Петербурге, там же окончила Северо-Западный медицинский университет имени И. И. Мечникова, работала врачом. В Москве, с отличием, окончила Литературный институт.

С 1995 года живёт в Нидерландах. Член Нидерландского союза писателей и переводчиков, член Федерации сценаристов Европы.

Многочисленные публикации в российских и зарубежных журналах и антологиях. Произведения переведены на пятнадцать языков, целый ряд книг за рубежом.

Автор книг прозы и драматургии на русском языке: «Отделение пропащих», «Месторождение ветра», «Long Distance, или Славянский акцент», «Ланч», «Klemens», «Хор», «Кабирия с Обводного канала», «Дань саламандре», «Жора Жирняго», «Книга посвящений», «День тополиного пуха», «Галёрка», «Летний кинотеатр».

Книги поэзии на русском языке: «Контрольный поцелуй в голову», «Ингерманландия», «Тюремный перестук».

Финалист премий Букера (роман «Ланч»), Большой книги (роман «Klemens»), И. П. Белкина (повести «Хутор», «Рая & Аад»). Лауреат Русской премии (роман «Хор»).

Главный приз за сценарий («Second Egyptian»), кинофестиваль в Сан-Диего, США.

Главный приз читательских симпатий (роман «Klemens»), Турин, Италия.

В серии «Универсальный донор» Марина Палей планирует опубликовать разнообразный арсенал своих стихотворных книг.